

МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ТЕОРИЯСЫ / ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА / THEORY OF STATE AND LAW

УДК 340.142

ГРАЧЕВА Светлана Александровна

Заң ғылымдарының кандидаты, Ресей Федерациясы Үкіметі жанындағы Заңнама және салыстырмалы құқықтану институтының аға ғылыми қызметкері

СОТ БАҚЫЛАУЫН ЖҮЗЕГЕ АСЫРУДЫҢ НЕГІЗІ РЕТІНДЕ ТҮСІНДІРУ ПРИНЦИПТЕРІ

Аннотация. Сот билігінің әлеуметтік және құқықтық құндылығы оның даулы құқықтық қатынастарды сот арқылы реттеуді қамтамасыз ету қабілетімен анықталады, ол әдетте сот интерпретациясы мен сот бақылауы санаттарында сипатталады. Сонымен қатар, бұл категориялар, әдетте, бір-бірімен байланыссыз қарастырылады, дегенмен, шын мәнінде, құқықтың табиғатымен, функционалдығымен, оның реттеуші және қорғаушы маңыздылығымен анықталатын мәні бойынша құқық қолдану туралы сөз болғанда өзара шартталған.

Мақалада құқықты сот арқылы түсіндіру принциптерінің мазмұны баяндалады, тек аспаптық бұрышы (түсіндіру ережелері (әдістері) арқылы ғана емес, сонымен қатар субстантивті өлшем – оларды құқық принциптерімен, сондай-ақ, құқықтық сенімділіктің кепілі ретінде қызмет ететіндермен байланыстыру қарастырылады. Сондай - ақ, түсіндіру принциптері сот бақылауының мазмұнын көрсетеді, оның белгілері, оның ішінде құқық қолдануда көрініс табуы, мұндай бақылау бір өлшемді түрде анықтауға мүмкіндік бермейді, тек құқықтық реттеудің сенімділігіне кепілдік берудің ең жоғары процедуралық нысаны болып табылатын сот нормаларын бақылау институтын ескере отырып түсіндіріледі.

Түйін сөздер: түсіндіру принциптері, сот бақылауы, нормативтік бақылау, сот билігі, құқықтық сенімділік кепілдіктері.

ГРАЧЕВА Светлана Александровна

Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

ПРИНЦИПЫ ТОЛКОВАНИЯ КАК ОСНОВАНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ

Аннотация. Социальная и юридическая ценность судебной власти определяется ее способностью обеспечивать правосудное урегулирование спорных правоотношений, что привычно характеризуется в категориях судебного толкования и судебного контроля. Между тем, данные категории, как правило, рассматриваются вне связи друг с другом, хотя, в действительности, являются взаимообусловленными, когда речь идет о правоприменении, по существу, определяемого природой и функциональностью самого права, его регулятивным и охранительным значением.

В работе объясняется содержание принципов судебного толкования права – не только

имеющих инструментальный ракурс (опосредуемого правилами (приемами) толкования), но и субстантивное измерение – при соотнесении их с принципами права, служащими также гарантиями правовой определенности. Также показывается, что принципы толкования свидетельствуют о содержании судебного контроля, признаки которого, в том числе получающая отражение в правоприменении, вряд ли позволяют определять такой контроль односторонне – только имея в виду институт судебного нормоконтроля, являющегося высшей процессуальной формой гарантии определенности правового регулирования.

Ключевые слова: принципы толкования, судебный контроль, нормоконтроль, судебная власть, гарантии правовой определенности..

GRACHEVA SVETLANA A.

Senior researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, PhD in law

PRINCIPLES OF INTERPRETATION AS BASIC ASPECTS OF JUDICIAL REVIEW

Abstract. *The social and legal value of the judiciary is determined by its ability to ensure the judicial dispute settlement in order to achieve a fair decision in the circumstances of a particular case, which is characterized in terms of judicial interpretation and judicial control habitually. Meanwhile, these categories, as a rule, are considered out of touch with each other, although, in fact, they are interdependent when it comes to law enforcement, essentially determined by the nature and functionality of the law itself, its regulatory and protective value.*

The paper explains the content of the principles of interpretation - not only having an instrumental perspective (mediated by the methods of interpretation), but also a substantive dimension - when correlating them with the principles of law, which also serve as guarantees of legal certainty. It is also shown that the principles of interpretation testify to the content of judicial control, the features of which, including being reflected in law enforcement, are not allow such control to be determined one-dimensionally - only with the institution of judicial normative control, which is the highest procedural form of guaranteeing the certainty of legal regulation.

Keywords: *principles of interpretation, judicial control, normative control, judicial power, guarantees of legal certainty.*

Судебные правоотношения, следуя не только национальной, но мировой исторической традиции, отмечаются вниманием к правосудию, определяемому первично как применение «общего закона к частному случаю», что является наиболее привычной характеристикой «отношения судебной власти к власти законодательной» [1, 74 стр.]. Эволюция правовой мысли, особенно в части признания неоднородности за-

кона (его нормативного содержания), нашедшее обоснование в известном учении Г. Кельзена о ступенчатой структуре права и категории «должного» (sollen) [2, 178 стр.], повлияла на обогащение и усложнение такой характеристики, позволив сместить акцент в рамках судебных правоотношений на судебный контроль [3, 7 - 8 стр.].

Можно признать, это, с одной стороны, позволило атрибутивно обосно-

вывать самостоятельность судебной власти в государственно-правовом развитии [4, 88 стр.], но, с другой, сделало регулярной повесткой судебной сферы вопрос о возможности «юрисдикционного» обособления судебного контроля, в части института судебного нормоконтроля, как особой формы судебной деятельности по отношению к обычному (ординарному) правосудию.

Такой юрисдикционный подход к судебному контролю (измеряемый полномочиями судов по нормоконтролю) в основном является оптимальным: он проистекает из континентальной юридической мысли, обосновывающей необходимость регламентации процессуальных форм властной деятельности и рассматривающей контроль законности юридических актов в качестве государственного контроля.

Важно и то, что данный подход первично нивелирует неопределенность содержания судебного контроля, решая вопрос о модели сочетания начал его централизации и децентрализации в национальном правопорядке. Несомненно, институтом судебного нормоконтроля поддерживается эффективность правового регулирования, во многом выраженная в согласовании юридических актов на основе их иерархического порядка, поскольку имеет место индикация неправомерного юридического акта в системе законодательства на предмет его юридических последствий.

В целом, стоит говорить об установлении судебного нормоконтроля в сочетании с идеей законности, что получило продолжительное историко-доктринальное обоснование, при котором еще в XIX в. признавалось, что «судебный контроль над администра-

тивными распоряжениями есть первое средство обеспечения их законности» [1, 61 стр.].

При том, в настоящее время конституционной основой судебного контроля законности служит положение, согласно которому решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (ч. 2 ст. 46 Конституции РФ). Данное положение можно рассматривать конституционной гарантией возможности судебного оспаривания едва ли ни любых юридически значимых актов. Подчеркнем взаимообусловленность институтов оспаривания и обжалования юридических актов: «Оспоримыми актами государственного управления называются такие акты, которые при обязательности их исполнения, могут быть обжалованы... Для того, чтобы оспоримый акт был лишен силы, требуется особое решение компетентного органа» [5, 129 стр.].

Другое дело, такое судебное оспаривание трактуется с акцентом на определении существа судебного нормоконтроля исходя из объектов такого контроля (оспаривания), что нередко рассматривается объяснением различия форм судебного нормоконтроля. Примечательно, проблематика объектов нормоконтроля обозначалась центральной в период возрастающей потребности в расширении судебного влияния на состояние законности в сфере нормотворчества: вспомним проект Федерального конституционного закона 1999 г. «О полномочиях судов общей юрисдикции по проверке соответствия нормативных правовых актов

Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, федеральным законам, иным нормативным правовым актам».

Одновременно, на этапе формирования развития судебного нормоконтроля в российском правопорядке существенное внимание занимала еще одна его важная составляющая, которая по сей день идентифицируется неодинаково, речь идет о вопросах конституционности. Значение конституционности предлагалось определять шире, нежели в рамке сферы применения и толкования Конституции РФ в практике органа конституционного правосудия. Под контролем за конституционностью нормативных актов В.А. Туманов понимал «не только соответствие этих актов конституции (что само по себе чрезвычайно важно), но и соответствие подзаконных актов закону и непротиворечивость законов» [2, 439 стр.].

Соответственно, проблематика судебного контроля может представляться объемнее (содержательно шире), нежели только в значении функционирования судебного нормоконтроля. Последнее, при том, не только служит необходимым институционально-юридическим условием наличия судебного контроля и в этом значении гарантией самостоятельности судебной власти, но также обуславливает характеристики судебного контроля в правопорядке, в том числе по части возможностей децентрализации такого контроля при признании ее составляющей судебного правоприменения.

По меньшей мере, говоря об объектной стороне судебного контроля, важно учесть, что наряду с нормативно-правовыми актами, она включает инди-

видуальные юридические акты, среди которых особое значение при установлении характеристик контроля имеют судебные решения. То есть судебный контроль обнаруживается не только в связи с вопросами качества закона, но и применительно к качеству судебного решения, особенно в деятельности судов проверочных инстанций. На правоконтрольную деятельность в данной ипостаси терминологически обращено внимание на уровне правовых стандартов в сфере реализации права на обжалование судебных решений, которыми такое обжалование рассматривается как отражение судебного контроля за решениями нижестоящих судов (Рекомендация КМСЕ № R (95)5, 07.02.1995 [6, 2 стр.]).

Акцентируя проблему масштаба судебного контроля (критериев и пределов проверки), если исходить не только из законности, пусть и конституционной, отметим, что в целом дуальный подход к такому масштабу определен природой судебного нормоконтроля, его правовыми последствиями. Существенным, если ни ключевым признаком, различения судебного конституционного и административного нормоконтроля является наличие таких последствий, как признание юридических актов, соответственно, недействительными и недействующими. В случае недействующих актов речь идет об установлении отсутствия их соответствия юридическим актам иерархически более высокой юридической силы, что выражает методологию законности.

Признание же законодательных (отдельных подзаконных) актов недействительными указывает на важность тех оснований судебного контроля,

несоответствие которым недопустимо в силу значения права, в конечном счете, как социальной ценности. Нарушенное таким актом (признанным недействительным) субъективное право подлежит восстановлению или защите, хотя принятие «восстановительных» мер в аналогичных обстоятельствах, по отношению к рассмотренному делу, по-прежнему предмет дискуссии. Так, практика Конституционного Суда РФ корректировалась в части последствий признания неконституционности акта, касающихся пересмотра судебных решений в отношении лиц, не являвшихся заявителями по делу, рассмотренному Судом [7, 206 – 207 стр.].

Такое последствие как «недействительность закона», в свою очередь, концептуально обосновывает значение контрольно-охранительной функции при обнаружении «дефектности» правового регулирования на любом этапе его судебного применения. Одновременно, учет применимого регулирования на предмет его определенности или неопределенности становится своего рода «эмпирическим критерием» установления качества акта в рамках правоприменения, до обращения в орган судебного нормоконтроля. Этим очевидно проявляется субсидиарное значение Конституционного Суда РФ, обращение к которому в порядке конституционной жалобы требует исчерпания иных внутригосударственных средств судебной защиты (п. «а» ч. 4 ст. 125 Конституции РФ).

К установлению судебного правоприменения в названном качестве подходы разнятся: наиболее характеризующими такой дискурс категориями является, с одной стороны, прямое (не-

посредственное) применение Конституции РФ (равно как общепризнанных принципов и норм международного права), а, с другой, развитие косвенного нормоконтроля. Последнее сопрягается с проблемой формализации такого контроля при правоприменении, вызывая вопрос – может ли подлежащая применению правовая норма стать самостоятельным предметом анализа в рамках дела на предмет ее правомерности [8, 16 стр.].

В целом, если не касаться идеи формализации судебного контроля как госконтроля, соответственно, не имея в виду правовых последствий для объекта контроля, речь в первую очередь может идти о судебном толковании, которым вполне опосредуется контрольная функция при осуществлении правосудия, имея в виду, прежде всего, масштаб обеспечения такой функции.

Конечно, «распространительное» установление взаимосвязи судебного контроля и судебного толкования, вероятно, вызывает ассоциации с англосаксонской спецификой права, имея в виду дифференциацию судебного контроля на установленные законами формы (*judicial statute review*) и специально не предусмотренные (*judicial non-statute review*) [9, стр. 202, 233]. При том, *judicial non-statute review* в свою очередь принято рассматривать как выраженное в судебном толковании или присущее ему. Это поддерживается тем, что судебное толкование уверенно сочетается с установлением правотворческой воли, при том не исключаяющей учёт воли субъектов судебного процесса, особенно если речь идет о суде, что оформлено понятием «судебное усмотрение» (*judicial discretion*).

Однако подчеркнем, существенной характеристикой взаимосвязи судебного контроля и толкования в континентальном праве, в частности, имея в виду правопорядок Российской Федерации, является правоприменение. Поэтому чтобы говорить о судебном контроле в обычном правосудии важно, прежде всего, вести речь о правоприменении в связи с вопросами судебного толкования.

Тогда судебный контроль должен соизмеряться с тем, что регулирование применяется судом путем толкования, в конечном счете, при интерпретации предписания таким образом, чтобы оно имело силу и не оказалось недействительным.

С этим коррелируется тезис (правило) в доктрине, согласно которому толкование юридической нормы всегда предшествует ее применению. Однако надо признать, соответствующее правило нередко рассматривается как задающее толкованию формалистическое целеполагание – в границах буквального подхода, понимания категории законности. Несомненно, это имеет корни в характеристике самого правоприменения, которое принято связывать с иерархическим методом установления определенности правового регулирования – при исключении коллизий применимого акта с актом, имеющим более высокую юридическую силу (ст. 5 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»). Подчеркнем также устойчивость идеи базовой правовой регуляции, исходной нормы во главе «пирамиды права», которую особенно в советский период характеризовали как «союз, покоящийся на господстве» [10, стр. 9].

Полагаем, принятие формалистического подхода к судебному толкованию объясняет преимущественно инструментальный ракурс его рассмотрения – при котором акцент делается на методах (приемах) интерпретации, также обозначаемые как «правила толкования» [11, стр. 73], средства уяснения и разъяснения интерпретируемой нормы [12, стр. 13]. В этом ракурсе объект и субъект интерпретации, как правило, не идентифицируются компонентами толкования как «интеллектуально-волевой деятельности». Одновременно, правотворческая воля, в части ее разъяснения, даже формирования, – несомненно, признаваемый элемент судебной дискреции в рамках судебного нормоконтроля.

Между тем, говоря об инструментальном подходе к толкованию, стоит учесть, только на первый взгляд можно принять его характеризующим вспомогательное значение толкования, в соответствии с формалистической рамкой толкуемой нормы, и тем более в части обоснования им коллизивно-иерархического взгляда на определенность применимого регулирования. Соотношение средств толкования (порядок их применения) показывает возможности толкования не столько как вспомогательного этапа, сколько квинтэссенции правоприменения. Вспомним «стандарт» толкования, предложенный Е.В. Васьковским: «Выяснение смысла каждой нормы должно происходить в следующей постепенности: сначала необходимо убедиться, нельзя ли воспользоваться легальным толкованием; затем ... следует подвергнуть норму словесному толкованию, чтобы установить ее буквальный смысл, и, наконец,

обратиться к реальному толкованию, чтобы проверить результат словесного толкования и раскрыть ее действительный, внутренний смысл» [13, стр. 31]. Но стоит отметить дискуссию (различия авторского внимания) по средствам интерпретации во взаимосвязи друг с другом, например, в части системного приема толкования. Принятый порядок толкования указывает на то, что системное толкование следует за буквальным, в целом, открывая дорогу более «реалистическому» рассмотрению интерпретации. Между тем, системный прием иногда обозначали в числе логических и грамматических подходов к толкованию положений национального права, а его выделение самостоятельным приемом (методом) в советском правоведении во многом было связано с доктриной толкования международных договоров [11, стр. 121]. Если говорить о телеологическом (целевом) толковании, обращение к нему, как правило, связывается со спецификой и отраслевым характером применимых норм [14, стр. 290; 15, стр. 15]; также имел место и общий подход: «без уяснения цели закона, отмечает П.Е. Недбайло, нельзя правильно истолковать и применить норму права, в нем содержащуюся» [16, стр. 121].

Сомнения в обозначении только вспомогательной роли толкования, в сочетании с презумпцией определенности применимой нормы, также появляются при рассмотрении этапов судебного процесса, как в случае проверки судебных решений. Можно подчеркнуть законодательное указание оснований проверки, при рассмотрении определенности применимого регулирования в аспекте такой «динамической» ха-

рактеристики, как «правильное применение норм материального и процессуального права». Перечень оснований проверки, в целом, определен с учетом не только формально-иерархических параметров применимой нормы, а шире: например, учитывается отсутствие нарушения обжалуемым судебным постановлением прав и свобод, гарантированных Конституцией, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами РФ (ст. 330, ст. 379.7, 391.9 Гражданского процессуального кодекса РФ).

Невнимание к толкованию как явлению правоприменения приводит к тому, что разрешение ситуации в условиях трудных дел, при обнаружении неопределенности в применимом регулировании (обозначаемой его расхождением) может не идентифицировать признаки оценки и усмотрения в отношении такого регулирования, его «системного» установления. Тогда, как правило, происходит либо неприменение противоречащей правовой нормы, с передачей вопроса для разрешения в рамках судебного нормоконтроля; либо формулирование вывода по делу согласно специальной норме более высокой юридической силы. Также, проблема толкования норм во взаимосвязи друг с другом де-факто может передаваться на разрешение суда вышестоящей инстанции, что не свидетельствует в пользу контрольно-охранительной функции на более ранних этапах судебного правоприменения.

Говоря о взаимосвязи принципов судебного толкования и контрольной функции судов, подчеркнем, что дискуссия об этом во многом зависит от

признания толкования самостоятельной ценностью правоприменения. Однако на такое признание указывает не инструментальный, а субстантивный подход к толкованию – показывающий его не только в свете внешне-атрибутивных аспектов, но и его природы (существа) как правового явления.

Исходя из этого, можно отметить важность субстантивного ракурса принципов толкования, обуславливающего признаки и значение судебного контроля при обычном правоприменении.

Во-первых, этим обозначается необходимость учета взаимосвязи толкования и правоприменения через общность их природы, обоснованной проблематикой нормативности в праве. Отметим, тема нормативности, выражаемая в категориях законности и конституционности, объясняет внимание не столько к актам различной юридической силы, сколько к наличию правоположений неодинакового юридического порядка (неоднородной нормативности). То есть нормативность в праве задаёт планку правоприменения через его масштаб, как в части форм права, так и гарантий права. Последние сочетаются с т.н. охранительными нормами, называемыми принципами права [17, стр. 113; 18, стр. 4-5], такие гарантии, очевидно, подчеркивают ценность не только и не столько определенности правового регулирования, но правовой определенности как таковой.

В таком выражении правоприменение служит отражению функциональности права, не ограниченной его регулятивной функцией (при акцентировании внимания только на формах правового регулирования), и харак-

теризует реализацию права, не сводящейся к выполнению конкретных норм, допускающей для реализации правового регулирования его толкование. Применение правовых норм по сути самого понятия определяет более емкое представление о характере участия суда в реализации правовых норм, учитывая «познавательный процесс судебного мышления» и диспозитивно-оценочное обращение к применимому регулированию [19, стр. 95]. Именно в таком качестве правоприменение рассматривалось еще в Концепции судебной реформы, одобренной Верховным советом РСФСР от 24 октября 1991 г.

Во-вторых, субстантивное измерение принципов судебного толкования указывает на основания такой интерпретации, которые, в свою очередь, и объясняют обращение к различным средствам (приёмам) толкования, чем придается импульс инструментальной характеристике толкования.

Об этом свидетельствует содержание правовой аналогии, рассматриваемой ключевым способом преодоления и восполнения пробелов в праве [20, стр. 263], также предполагаемой как метапринцип, обуславливающим судебную интерпретацию в континентальном праве [21, стр. 1]. Данный принцип служит «рационалистическому» обоснованию толкования применимых норм – во взаимосвязи друг с другом, в конечном счете, вызывая согласованное толкование в случае трудных дел, т.е. когда невозможна простая, механическая – согласно конкретной норме, схема разрешения дела. Можно признать, «аналогия» служит средством обращения к правоположениям разной степени нормативного обобщения, в целом,

рассчитанных на применение в сходных (подобных) случаях. При том ее действию присуща этапность: если не получается для разрешения дела применить аналогию закона – при отсутствии законодательного предписания, регулирующего схожие отношения, применяется аналогия права, требующая учета норм (актов) более общего юридического порядка. Конечно, именно с аналогией права принято связывать применение форм права, включающих предписания наивысшей нормативности, что проистекает из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении», ориентирующего суды на учет в отдельных случаях постановлений о разъяснении применения Конституции РФ и положений международного права. В целом, обращение к правовой аналогии тоже можно рассматривать критерием правильного применения правового регулирования, который, однако, сопряжен с идеей судебной дискреции (усмотрения).

В-третьих, поскольку субстантивная составляющая принципов толкования даёт ответ на вопрос о судебном контроле – «на основании чего», а не «каким образом», то этим подчеркивается общность юридического масштаба контроля (критериев и пределов проверки), обозначаемого в соответствующих материально-правовых характеристиках.

Говоря о таких материальных критериях как принципы права (не идентифицируемых только формой выражения), подчеркнем, установление данного понятия возможно не *in abstracto*, а учитывая значение причинности регулирования. Такая причинность, как заметил Р. Иеринг, в свете «человеческой воли»

определяется целеполаганием в праве [22, стр. 38]. Соответственно, такие охранительные нормы могут иметь не только рационалистическое значение для правоприменения (с точки зрения его оптимальности, разумности), но и аксиологическое значение, требующего их опосредования конкретным нормативно-ценностным содержанием.

Наиболее концентрировано выражает данную проблематику концепция качества закона, которая получила развитие еще в ранней практике Европейского Суда по правам человека (Malone v. UK, от 02.08.1984 г.). Она объясняет единство целеполагания при установлении требований к любым формам позитивного права (видам юридических актов), при том, отражение требований (стандартов) качества закона в применимом регулировании служит определенности положения участников правоотношений, давая им возможность предвидеть последствия своих действий, – это позволяет оценивать такие стандарты как критерии доверия к закону.

Такие критерии следуют как из международно-правовых стандартов, так и из конституционных положений наиболее общего характера, преимущественно относимых к основам правового статуса личности, которые Конституционным Судом РФ обозначаются как цели и ценности Конституции (пример, постановления от 24.05.2001 г. № 8-П, от 23 декабря 2013 г. № 29-П).

Тем самым, можно говорить о судебном толковании как факторе институционализации ценности для судебных правоотношений положения ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и сво-

бод, соответственно, вне его прямой связи с институтом нормоконтроля (в части его объектов, субъектов осуществления).

В целом, проблема обоснования судебного толкования с учетом аналогии права, не говоря об интерпретации на основе теста пропорциональности – показывающего толкование средством судебного контроля и судебной защиты прав, – по-прежнему конституционно значимое направление развития судебных правоотношений, особенно в свете формально-юрисдикционных основ правосудия (регулирования полномочий и гарантий органов судебной власти).

При этом, закономерно, что судебный нормоконтроль, тем более позиции органа конституционного правосудия, служат основным звеном судебной интерпретации, ориентированного на достижения баланса социально-нормативных и формально-юридических начал в праве, определение интерпретативных характеристик права, исходя из нацеленности на достижение такого баланса. Также не стоит упускать из виду природу взаимосвязи сферы прав человека и судебного нормоконтроля – о ней свидетельствует то, что институт оспаривания юридических актов при его формировании рассматривался в сочетании с вопросами защиты прав и свобод человека. В качестве примера можно привести Закон СССР от 2 ноября 1989 г. «О порядке обжалования в суд неправомерных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан» [23, стр. 405].

В заключение отметим, имея в виду значение судебного контроля для осу-

ществления правосудия, стоит учитывать, что принципы судебной интерпретации, несомненно, «должны характеризовать сам познавательный процесс установления смысла, содержания норм права, содержать определенные требования именно к этому процессу, а не к его объектам» [16, стр. 105]. Это, в свою очередь, позволяет развивать возможности обращения к средствам толкования права, отражающих также то, что «право – не статичный набор правил, но процесс».

Очевидно и то, что «те, кто отвечает за создание и применение совокупности юридических правил, будут всегда сталкиваться с проблемой системы» [24, стр. 201], соответственно «согласованная внутренняя структура» во многом служит целеполаганием как в правотворчестве, так и на этапе правоприменения. По этой причине значение принципов права, с которыми следует соизмерять такое судебное толкование, трудно переоценить, они традиционно характеризуют право как подвижное явление (отвечающей идее «мобиля», а не иерархической конструкции [25, стр. 8 – 12]) в связи с запросами социальной системы. Наиболее наглядно это проявляется в кризисных ситуациях, выражающиеся и в нарастающем объеме принимаемого правового регулирования, тогда соответствующие принципы рассматриваются условием судебного контроля и служат не столько гарантией обеспечения определенности конкретного регулятора, сколько правовой определенности в целом [26, стр. 213 – 215].

Список использованных источников

1. Градовский А. Начала русского государственного права. Том 1: О государственном устройстве. – С.-Петербург. 1875 г.
2. Туманов В.А. Избранное/ В.А. Туманов. – М. Норма. Инфра-М., 2013.
3. European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). The Judiciary and the Separation of Powers. By L. L.Guerra. “Conference for Constitutional and Supreme Court Judges from the Southern African Region”. (Siavonga, Zambia, 12-13 February 2000). Strasbourg, 22 March 2000. CDL-JU (2000) 21.
4. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. - СПб. 2001.
5. Студеникин С.С. Советское административное право. - М., 1949.
6. Рекомендация Комитета министров СЕ № R (95) 5 от 7 февраля 1995 г. о введении в действие и улучшении функционирования систем и процедур обжалования по гражданским и торговым делам/ Перевод представлен на сайте «Библиотека по Правам человека». [http://hrlibrary.umn.edu/russian/euro/RRec\(95\)5.html](http://hrlibrary.umn.edu/russian/euro/RRec(95)5.html) (дата обращения: 30.05.2023).
7. Блохин П.Д., Кряжкова О.Н. Как защитить свои права в Конституционном Суде: Практическое руководство по обращению с жалобой в Конституционный Суд России. 2-е изд., с изменениями. – М., 2015
8. Никитин С.В. Судебная защита прав и интересов от незаконных нормативных правовых актов // Вестник гражданского процесса. 2022. № 2.
9. Elliot M. The Constitutional Foundations of Judicial Review. Hart Publishing. Oxford-Portland. 2001
10. Вольфсон С.Я. Кельзен, Ленц и Ко (К противомарксистской атаке в вопросах государства). Изд. Исполбюро Пролетстуда Б.Г.У. Минск. 1925.
11. Перетерский И.С. Толкование международных договоров. Отв. ред.: Крылов С.Б., Тункин Г.И. М. 1959.
12. Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. - Москва.,1962.
13. Васьяковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов (для начинающих юристов). – М.: Изд. Бр. Башмаковых, типолитография товарищества И.Н. Кушнерева и Ко, 1913.
14. Пунжин С.М. Цель в процессе создания норм международного права // Советский ежегодник международного права. – М., 1986.
15. Хабриева Т. Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. – М.: Юрист, 1998
16. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора: учеб. пособие для вузов. – М., 2003.
17. Нешатаева Т.Н. Об общих принципах права и судебном толковании// Журнал российского права, 2023, № 3.
18. Корецкий В.М. «Общие принципы права» в международном праве. Киев. 1957.
19. Гурвич М.А. Судебное решение. Теоретические проблемы. – М., 1976.
20. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения // Лазарев В.В. Избранные труды. Т. II. Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение. – М., 2010.
21. Precedent and Analogy in Legal Reasoning. First published Tue Jun 20, 2006/ Stanford Encyclopedia of Philosophy/ <https://plato.stanford.edu/entries/legal-reas-prec/#JusForAnaRea>

(дата обращения: 30.05.2023).

22. Иеринг Р. Цель в праве. – Санкт-Петербург. 1881.

23. Жуйков В.М. Судебный контроль за нормативными актами// Служение праву. Памяти профессора В.А. Туманова посвящается. Сборник статей. Под ред. Д.А. Туманова и М.В. Захаровой. – М., 2017

24. Барак А. Судейское усмотрение. – М. Норма. 1999.

25. Фоскуле А. Пирамида или мобиль? – защита прав человека европейскими конституционными судами (выступление на церемонии открытия судебного года – 2014 в Европейском Суде по правам человека// Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2014. № 4.

26. Гаджиев Х.И., Грачева С.А. Развитие судебных функций в кризисных ситуациях// Правовое управление в кризисных ситуациях: монография / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – Москва, 2022.